

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ДИАЛОГ С КЛАССИКОМ (к 95-летию американского социолога конфликта Луиса Крисберга)

Луис Крисберг^а, Лариса Григорьевна Титаренко^б
(larissa@bsu.by)

^аСиракузский университет, Сиракьюс, США

^бБелорусский госуниверситет, Минск, Беларусь

Цитирование: Крисберг Л., Титаренко Л.Г. (2021) Диалог с классиком (к 95-летию американского социолога конфликта Луиса Крисберга). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1): 7–28. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.1>

Аннотация. Статья посвящена предстоящему 95-летнему юбилею известного американского социолога, классика социологии конфликта профессора Луиса Крисберга, который за свою долгую жизнь встречался и сотрудничал с Робертом Мертоном и Чарльзом Тилли, занимался опросами общественного мнения и консультировал американских президентов по проблемам разрешения международных конфликтов, принимал участие в международных конференциях высшего уровня и участвовал в работе престижных социологических комитетов по разрешению конфликтов. В диалоговом жанре Крисберг рассказывает о своем жизненном пути, своих учителях и коллегах, размышляет о роли социологии конфликта в контексте научной дисциплины. Он рассуждает о своем профессиональном становлении, своей жизни так, как будто ничего другого и не было или по крайней мере было ему не так интересно, как его работа. Крисберг анализирует те концепции, которые создал за годы своей профессиональной деятельности, высказывает свое отношение к проблемам, с которыми сталкивается. Разговор затрагивает теоретические и методологические аспекты социологических исследований, перспективы прикладного использования положений теории разрешения конфликтов, созданной Крисбергом. Несмотря на преклонный возраст, Крисберг проявляет тонкое чувство юмора, когда вспоминает о своем детстве, и дипломатизм, когда раскрывает свое отношение к актуальным проблемам постсоветского общества. В диалоге с Луисом Крисбергом, постигая его огромный жизненный и профессиональный опыт, невольно «примеряешь» его к собственной деятельности, пытаешься интерпретировать ее в широком профессиональном контексте и обратить внимание на мысли, часто ускользающие из поля традиционного исследования как жизнедеятельности выдающегося автора, так и социологии в конкретном историческом контексте. Ученый чутко уловил дух своей эпохи — второй половины XX — начала XXI в., занимаясь такими проблемами, которые были наиболее интересны и актуальны для его современников. К таким проблемам, без сомнения, относятся и социальное неравенство, и социальный конфликт.

Ключевые слова: Луис Крисберг, американская социология, социология конфликта, теория разрешения конфликтов, исследования мира, Сиракузский университет.

Введение

Мой диалог с «живым классиком» социологии конфликта американским ученым Луисом Крисбергом не проходил одномоментно. Нашей долгой переписке по электронной почте, которая по своей сути во многом напоминает электронные интервью с российскими социологами, проводимые Б.З. Докторовым (Докторов 2014), с той разницей, что Докторов осуществлял онлайн-коммуникацию с российскими социологами, находясь в США, а я была в Минске, когда обменивалась многочисленными письмами с Л. Крисбергом осенью-зимой 2020–2021 гг., предшествовали также многочисленные личные встречи. О них хочется рассказать сразу, чтобы дать аудитории представление о личности ученого.

Наша первая встреча состоялась в 1982 г. в г. Мехико, где проходил X конгресс Международной социологической ассоциации. На этом конгрессе я участвовала в составе группы советских молодых социологов, в которой были такие ныне известные (и уже немолодые) персоны, как Владимир Андреенков, Людмила Беляева, Юрий Волков. Мы встретились на заседаниях секции по социологии молодежи, где я выступала с докладом. После выступления со мной захотели познакомиться два американских профессора из Сиракузского университета (штат Нью Йорк), которых я не знала. Одним из них был Луис Крисберг, вторым Ричард Бронгардт. Оба профессора искренне интересовались тем, что делается по социологии молодежи в СССР, какой западной литературой мы пользуемся. Потом я посетила секцию по социологии конфликтов, где выступал Луис Крисберг, и, хотя эта проблематика была далека от моих интересов, наше знакомство продолжилось. Наши контакты были полностью деловыми, хотя и не санкционированными заранее руководством нашей группы молодых советских социологов (известным в свое время представителем администрации Института социологии Н.М. Блиновым и др.). Помнится, потом я получила по почте от американских коллег пару писем и копии их статей, связанных с молодежью.

Наше знакомство продолжилось в середине 1990-х, когда уже не было СССР, а я, как молодой доктор наук из Белоруссии, решила подать заявку на стажировку по стипендии Фулбрайта, тогда очень популярную в постсоветских странах. В заявке требовалось указать потенциальных научных консультантов из США, и я написала в Сиракузы с просьбой дать согласие на мой потенциальный приезд в этот университет. Ответ был положи-

тельный, я приложила письмо к своей заявке, которая была одобрена отборочной комиссией в Минске. Я приехала на полугодовую стажировку в Сиракузский университет (здесь когда-то учился и нынешний американский президент Джо Байден). Только тогда я обнаружила, что Луис Крисберг был самой уважаемой персоной среди местных социологов (также достаточно известных американских ученых в своих сферах исследований). Он уже не заведовал кафедрой социологии, как в 1970-е годы, так как его деятельность была связана с более масштабным центром Сиракузского университета — основанной им в 1986 г. Программой по анализу и разрешению конфликтов (PARC). Программа была изначально направлена на исследования конфликтов и разработку методов их конструктивного разрешения в самых разных сферах жизни общества (внешней политике, образовании, спорте и т.д.). В рамках Программы работали несколько маститых социологов и много научной молодежи, там проходили практику студенты-социологи, писались диссертации, проводились научные конференции и семинары, имелся веб-сайт, онлайн-программы и много других привлекательных для научного центра атрибутов. Это был исследовательский институт в рамках Школы Максвелла по проблемам гражданства и связям с общественностью — подразделения университета, объединяющего 10 исследовательских институтов и 10 кафедр (включая кафедру социологии). Благодаря Крисбергу я узнала много интересного и об американском образовании, и об исследовании конфликтов, познакомилась с другими учеными. Наше общение, несмотря на значительную разницу в возрасте, было дружеским и профессиональным одновременно. Поэтому, когда я приезжала в США позднее, уже в XXI в., всегда старалась найти возможность навестить профессора, посоветоваться по научным проблемам, а несколько раз по его приглашению выступить перед сотрудниками разных подразделений этого университета.

В 2016 г., когда я приехала в США по линии программы Фулбрайт во второй раз, уже не в Сиракузский, а в соседний университет (State University of New York), наши встречи и контакты по телефону опять стали регулярными. Крисберг рассказал о себе и своей семье. Оказалось, что его родители были еврейскими эмигрантами из царской России, которые приехали в США подростками из маленьких местечек: отец с территории нынешней Украины, а мать из Белоруссии. Крисберг не знал названий их родных населенных пунктов и никогда не посещал эти края, но живо интересовался географией, пытаясь представить, в какой части нынешних независимых стран родились его родители. Поскольку сам он родился в Чикаго, то по праву считает себя 100-процентным американцем. Однако намного чаще мы обсуждали профессиональные вопросы.

Удивительным для меня фактом было то, что, выйдя формально на пенсию в 68 лет (как положено по американским законам), Крисберг, ставший заслуженным профессором (титул «emeritus»), продолжал регулярно приходить в свой кабинет, работать над статьями, выступать на международных конференциях и, конечно, интересоваться политической жизнью США. Как большинство американской профессуры штата Нью Йорк, Крисберг поддерживает Демократическую партию. Во времена президента Трампа он написал много статей против политики республиканской власти, не раз критиковал политический непрофессионализм Трампа. Одновременно Крисберг продолжал писать новые статьи в области практики разрешения конфликтов. Он остается высоко востребованным профессионалом. Даже в эпоху пандемии Крисберг принимал участие в международных научных конференциях — теперь онлайн.

В последние три месяца, начав с обсуждения предвыборной кампании, мы регулярно обменивались электронными письмами, коммуникация одновременно была и научной, и личностной, эмоционально окрашенной, а рассказы Крисберга о себе носили автоэтнографический характер, поэтому данный материал можно рассматривать как его «перетолкование социального опыта в перспективе личного», — метода, который некоторые авторы считают «единственной возможностью оставаться честным» (Пинчук, Рогозин 2018: 120).

Социология: профессия или призвание?

— Социологи прекрасно знают работу Макса Вебера «Наука как призвание и профессия». Рано или поздно вопрос о том, чем является наука для него лично, задает себе каждый, кто вовлечен в эту сферу: чем я занимаюсь — делом, в котором могу себя реализовать в наибольшей степени и одновременно познавать реальные связи в обществе, или это просто мое ремесло, которое я хорошо освоил, та сфера деятельности, в которой я преуспел? Вебер, как известно, подчеркивал, что в научной сфере (в том числе в социологической науке) человек должен иметь научную страсть, поскольку «для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» (Вебер 1990: 708). Можете ли Вы сказать про себя, что пришли в социологию по призванию и проявляли в своих исследованиях ту научную страсть, о которой пишет Вебер? Или Вы сделали это по чему-то совету?

— Начну издалека. Я родился в еврейской семье, поэтому изначально чувствовал свою принадлежность к этой этнической группе. Мой отец был портным, а мама — швеей, у них был свой меховой магазин. Мы жили в районе Чикаго, населенном рабочим классом, принадлежавшим к разным этническим группам. Эта среда не могла не оказать на меня воздействие.

Большое влияние на мои социальные, политические и интеллектуальные взгляды в молодости также оказали три моих старших брата. Они были интеллектуальными, миролюбивыми, интересовались искусством. Мой брат Ирвинг, ближайший ко мне по возрасту, впоследствии стал художником. У меня тоже был обнаружен талант к искусству, и я даже изучал его в Мексике более года в 1944 г., где научился свободно разговаривать на испанском языке.

В моей личности изначально было несколько необычных черт, которые отличали меня от других. Я чувствовал, что должен стремиться помочь всему человечеству. Я сочувствовал всем страждущим, часто отождествляя себя с ними. Кроме того, я ненавидел насилие и редко сердился. Я собирал газетные статьи о насилии и войне, изучал их и приходил к осознанию того, что подобные вещи в мире недопустимы. Оглядываясь назад, я бы добавил, что я всегда был стойким и мыслил оптимистично. Таким я оставался всю жизнь, такой я и сейчас. Я всегда знал о многих проявлениях неравенства и считал их несправедливыми, даже вредными и нуждающимися в исправлении. Наверное, это и стало моим призванием.

— *Невозможно не заметить, что Ваша личность полностью соответствовала тем научным подходам и нравственным принципам, которые культивировались на факультете социологии в Чикагском университете во времена его расцвета: внимание к человеку с его нуждами, понимание человеческой личности, стремление улучшить социальную среду посредством небольших, но значимых реформ — помощь бедным, открытие приютов для женщин, которые убежали из своих семей от домашнего насилия, поиск социальных механизмов улучшения функционирования города и т.п. Вероятно, сама социальная среда Чикаго способствовала появлению такого направления исследований, стимулировала социологов заниматься социальным реформизмом. Вы социализировались в этой среде и, видимо, осмысленно выбрали себе профессиональный путь исследователя, по мере своих сил познающего общество ради его совершенствования. Наверное, именно эти внутренние мотивы предопределили факт Вашего поступления в Чикагский университет.*

— Что меня привело в Чикагский университет? Конечно, я не знал всего того, что сейчас знает каждый студент социологии о Чикагской школе, хотя и был наслышан, что факультет социологии в университете один из лучших. В чикагский университет я пошел учиться, потому что Рут, жена моего брата Ирвинга, посоветовала мне сделать это, поскольку лучше меня разбиралась в таких вещах. Я поступил в университет в 1945 г., не подозревая, насколько особенными были колледж и факультет социологии. Колледж был организован как двухлетний для выпускников, при-

шедших учиться после окончания полной средней школы, а степень магистра требовала еще трех лет обучения. Однако мне удалось сдать экзамены за некоторые курсы двухлетнего колледжа уже на первом году обучения, поэтому я был зачислен в магистратуру досрочно. В те годы студенты уже интересовались проблемами не только города, но и всего мира. Предполагая, что я буду плотно заниматься проблемами начавшейся тогда холодной войны, я два года усиленно изучал русский язык на летних курсах, но так и не научился бегло говорить по-русски. Я жил в студенческом кооперативном доме вместе со студентами, придерживавшимися самых разных политических взглядов. Они были яркими личностями. У нас часто были споры на актуальные политические темы.

На мой взгляд, для молодого человека, пришедшего в университет после окончания Второй мировой войны, естественным было желание понять, как можно предотвратить войны и другие кровавые конфликты и обеспечить мир. С этим желанием я поступил в колледж и там открыл для себя социологию. Кроме того, что социология оказалась интересной для меня лично, знакомство с ней имело фундаментальное значение для моего образования. Я понял, что социология соответствует моему образу мысли, и она мне сразу понравилась. Я верил, что изучение социологии поможет мне понять, как можно уменьшить существующие конфликты и социальные проблемы. Для того чтобы понять, как это сделать, в колледже и в аспирантуре я читал труды Маркса и Ленина. Мы также изучали работы Вебера, Дюркгейма и Адама Смита.

— *В те годы, когда Вы учились в Чикаго, в американской социологии уже господствовали идеи структурно-функционального подхода Т. Парсонса. Вы изучали этого автора в студенчестве? Ведь научное сообщество не могло его игнорировать. Можно ли сказать, что и социологический факультет в Чикаго отдал должное идеям этого теоретика?*

— В Чикагском университете в конце 1940-х годов основным подходом на факультете социологии по-прежнему оставался символический интеракционизм. Он был разработан Джорджем Гербертом Мидом и его учеником Гербертом Блумером. Здесь часто упоминалась известная теорема, которая гласит: «Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям» (Thomas, Thomas 1928: 571–572). Тем самым подчеркивалась важность социальных значений.

Сотрудники социологического факультета Университета Чикаго не воспринимали Парсонса всерьез. Им казалось, что его работы просто излагают сложный терминологический словарь, в котором нет эмпирического содержания. Будучи аспирантом, я вместе с другими молодыми людьми читал некоторые книги Парсонса самостоятельно, не изучая их на заня-

тиях. Эти работы нам не нравились ввиду их абстрактности и политического консерватизма. Наши профессора в Чикаго были приверженцами демократии. Но и у них были свои «подводные камни». Однажды летом профессор Эдвард Шилз, который тогда работал в Университете Чикаго, поехал в Гарвардский университет, чтобы поработать там совместно с Парсонсом над новой книгой (Parsons, Shils 1951). По возвращении Шилз долго извинялся перед коллегами и защищался от их упреков, объясняя, что внес в эту книгу собственные (неструктуралистские) идеи и позволил Парсонсу лишь навешивать на них структуралистские ярлыки. Я нередко спорил с ним на занятиях, и даже когда Шилз был со мной не согласен, он выслушивал меня с уважением.

— *Мои студенты с радостью поддержали бы негативное отношение к трудам Т. Парсонса: они мало кому нравятся в университете. Но как было возможно такое негативное отношение к Т. Парсонсу, коллеге-социологу, среди академических ученых в Чикаго, даже если его взгляды ими не разделялись? Ведь речь идет о научном сообществе, которое руководствуется не личными симпатиями к тем или иным авторам, а некими общими научными принципами. Получается, что внутри американской социологии шла острая конкуренция, противостояние разных направлений и школ, а не плюрализм мнений, поэтому даже целый факультет, который уже потерял свою былую славу доминирующей социологической школы Америки, мог игнорировать Парсонса. Пожалуй, ни в российской социологии начала XX в., ни в современной российской социологии, несмотря на наличие многих направлений, оппонировавших друг другу по многим важнейшим позициям, такого острого противоборства нет. Отражалось ли такое состояние на студентах? Как проходили Ваши годы учебы в университете? Кто из преподавателей оказал на Вас влияние — интеракционисты или не только они?*

— Это был широкий спектр профессионального влияния. Профессор Эверетт Хьюз, один из ведущих продолжателей традиций Чикагской школы в середине XX в., сыграл особенно важную роль в обучении меня полевой работе, выведению исследовательских вопросов и выводов на основе эмпирических свидетельств. Он вел прекрасный курс по профессиям, отмечая, насколько некоторые профессии руководствуются только корпоративными интересами, прибылью, контролируя «вход» в профессию и устанавливая в ее рамках свои правила поведения. Этот курс давал студентам «вид снизу», как бы показывая профессии изнутри и раскрывая их скрытые движущие силы, в отличие от Роберта Мертона и других сотрудников Колумбийского университета, которые более почтительно относились к элите. Среди других преподавателей, оказавших на меня влияние, были Эдвард Шилз, Моррис Яновиц, Мортон Гродзинс, Дэвид

Рисман, Роберт Редфилд и Сол Такс. Однако никто из них не занимался проблематикой, которая казалась мне центральной, а именно проблематикой мира. Я многому научился у своих однокурсников, принадлежавших к прекрасному послевоенному поколению, среди которых особо хотел бы выделить Говарда Беккера, Глэдис и Курта Лэнг, Джерри Хенделя и Джека Фельдмана.

В 1950 г. я провел лето в Западной Германии. Моя знакомая аспирантка Изи Фишер была из Германии, она помогла мне с организацией быта, в том числе с работой в международном трудовом лагере в г. Донауэшинген (земля Баден-Вюртемберг). Когда я посещал Западный Берлин, я жил в доме ее матери. Путешествовал, видел Дахау и провел какое-то время в Восточном Берлине. В последующие годы, во время моих визитов в Германию, я поддерживал дружбу с Изи.

— *С одной стороны, Ваши интересы были весьма разнообразны и включали изучение иностранных языков. С другой — вы упоминаете курс о профессиях, т.е., возможно, этот курс был важнее других для Вашей работы над магистерской и докторской диссертациями. Были ли они напрямую связаны с исследованием мира или изучением конфликтов?*

— Моя магистерская диссертация, защищенная в 1950 г., была скорее связана с профессией моей семьи. Она была посвящена изменению концепций успеха и безопасности среди меховщиков в розничной торговле и привела к моей первой научной публикации. Моя докторская диссертация (1953) связала мою работу по профессиям с изучением возможных патриотических настроений, влияющих на экономическое поведение в военное время. Эта работа была частью большого проекта изучения национальной лояльности, который возглавлял М. Гродзинс, и получила поддержку от этого проекта. Результаты моего исследования были опубликованы в двух журнальных статьях.

Начало карьеры: достижения и неудачи

— *Согласно американским традициям, после защиты диссертации молодой ученый не остается работать в том университете, где учился. Он должен самостоятельно искать себе место, подавая документы в разные университеты. Когда в 1953 г. Вы защитили в Чикаго свою диссертацию, куда Вы были приняты на работу?*

— Мне удалось получить должность инструктора* на факультете социологии Школы общих исследований Колумбийского университета. Здесь

---

* Эквивалент должности преподавателя в нашей системе, обычно это первое место работы молодых докторов наук без опыта.

я проработал три года. Познакомился с местными светилами: Робертом Мертоном, Полом Лазарсфельдом и Марти Липсетом. Присутствовал на многих лекциях Мертона в студенческих аудиториях и могу с уверенностью сказать, что он читал лекции, которые были прекрасно написаны и которыми все восхищались. Лишь изредка слушатели допускали мысль, что его выводы требуют какого-то дальнейшего развития. Мертон был перфекционистом, о чем свидетельствует рукопись его книги, которая была доступна сотрудникам в офисе Департамента социологии. Студенты и коллеги, которые читали эту рукопись, были уверены, что она готова к публикации. Но Мертон, кажется, сам никогда в это не верил. Ходили слухи, что по этой причине его аспиранты затрачивали очень много времени, прежде чем защищали свои диссертации.

Мои три года в Колумбийском университете были трудными, и мой контракт не был продлен. У меня не было никакого предыдущего опыта преподавания, поэтому вначале я старался в лекциях передавать студентам слишком много материала. Постепенно мое преподавание улучшилось, я понял, что более успешно вел курсы по незнакомым мне предметам, поскольку учился вместе со своими учениками. На втором году преподавания я уже стал грамотным инструктором.

Во время работы в Колумбийском университете я был также нанят на работу в Бюро прикладных социальных исследований, которое основал Пол Лазарсфельд. Мне было поручено изучить литературу о продолжающихся конфликтах в разных сообществах и подготовить отчет для Фонда двадцатого века. Мой черновой вариант отчета был признан неудовлетворительным, и его передали на доработку Джиму Коулману, который работал в бюро, будучи аспирантом на последнем году обучения. Его редакция отчета была опубликована в виде брошюры, в которой он выразил мне благодарность. Данный факт стал хорошим уроком для меня: надо работать с полной отдачей, чтобы твой результат не стал работой другого.

В первые годы самостоятельной работы я изо всех сил пытался найти способ применить социологию к процессам достижения мира. Я стремился убедить коллег, что такая работа возможна и необходима. В то же время я продолжал работать над темами, которые представляли социологический мейнстрим, ведь именно для этого меня наняли.

Меня тянуло на самостоятельность в науке. Я хотел провести исследование, связанное с проблематикой мира. Я решил, что смогу провести такое исследование в Секретариате ООН и даже взял там несколько интервью. Я многому научился, но не сумел придумать хороший исследовательский вопрос. Я также провел исследование политики мира в амери-

канских организациях, связанных с двумя международными неправительственными организациями — Международной торговой палатой и Международной конфедерацией свободных профсоюзов. Я провел интервью с лидерами американских организаций, получил интересную информацию, но не опубликовал ни одной статьи, основанной на этом исследовании.

Мой опыт в Колумбийском университете был поучительным. Он расширил мое понимание социологии и круг моих профессиональных контактов. Более того, мой анализ конфликтов в сообществах заставил меня задуматься о стадиях конфликтов и их изменчивости. Я все еще пытался сформулировать программу исследований, в которых хотел применять социологию к процессу достижения мира.

— Лишившись работы в Колумбийском университете, Вы ничего не потеряли, в конечном счете. Ведь в том же 1956 г. поехали в Западную Германию как стипендиат программы Фулбрайта и провели там целый год. После этого вернулись на годичную стажировку в Чикагский университет, а затем проработали четыре года директором Национального центра исследований общественного мнения (NORC). Очевидно, это уже было время, когда Вы стали вполне состоявшимся исследователем в профессиональном плане.

— Мне везло! Я подал заявку и получил стипендию Фулбрайта на 1956–1957 гг. в Кельне. Это было удивительно захватывающее время для пребывания в Европе. Я приехал в августе, как раз к началу заседаний III конгресса Международной социологической ассоциации в Амстердаме. Некоторые из нас, американцев, узнали, что приедет делегации из Советского Союза и стран Восточной Европы с коммунистическими правительственными. Поскольку мы знали, что советские лидеры считали социологию антагонистом марксизму, мы задавались вопросом, кто же приедет? В советскую делегацию входили журналисты, философы, антропологи, но не было социологов. Напротив, в польскую делегацию входило много социологов, и Марти Липсет организовал встречу между поляками и американцами. Мы готовились к спору с польской стороной, однако спор развязался между двумя группами поляков. Одна группа, состоявшая из «твердых марксистов», принижала эмпирические исследования как ненужные. Другая группа настаивала на важности таких исследований общества. Они утверждали: «Мы ученики Знанецкого». Видимо, в Польше были и скрытые классы, и внутренние социальные конфликты.

В Германии я изучал, как новое «Европейское сообщество угля и стали» вносило вклад в процесс интеграции немцев в европейское сообщество, урегулирования их длительных конфликтов с французами, т.е.

в становление у немцев европейской идентичности как результата процессов трансформации прежних политических конфликтов. В Германии я активно изучал негосударственные организации, которые влияли на процессы европейской интеграции. Взял интервью у корпоративных и профсоюзных лидеров угольной и сталелитейной промышленности, использовал данные национального опроса, собранные по моей просьбе для исследования. В результате опубликовал три журнальные статьи, в которых были представлены мои выводы. Во время пребывания в Германии на базе моего прежнего изучения немецкого языка в средней школе я свободно овладел немецким и тем самым заложил основу для последующих контактов с исследователями мира в Германии.

В США в 1960-е, в годы войны во Вьетнаме, Американская социологическая ассоциация организовала комитет по изучению конфликтов, куда вошел и я. Наш комитет установил связи с подобными организациями других стран. Так сфера изучения конфликтов оказалось включенной в социологический мейнстрим.

Расцвет карьеры: разработка теории и метода изучения конфликтов

— Из Вашего рассказа становится очевидным, что в свои 30 с небольшим лет Вы уже многого достигли, а затем укрепили свои позиции, вернувшись в Чикаго. Почему вы переехали в Сиракузы в 1962 г.? Было ли Вашим профессиональным желанием поступить на работу в Школу Максвелла и построить там карьеру? В Сиракузах Вы были заведующим кафедрой социологии (1974–1977) и президентом Общества изучения социальных проблем (NORC, 1983–1984). Вы навсегда остались в Сиракузском университете. Довольны ли вы своими профессиональными достижениями там?

— Я вернулся в Чикаго в 1957 г., чтобы повысить свой профессиональный статус. Вскоре стал директором по исследованиям в NORC, где научился проводить крупномасштабные исследования. Однако это было слишком далеко от моего желания изучать проблемы мира. Коллеги пригласили меня в Сиракузы, чтобы помочь в их большом исследовании социальной мобильности, и я согласился перейти туда на работу, так как ожидал, что там у меня будет свобода и поддержка в проведении исследования проблем мира. Мои ожидания оправдались. Поэтому я остался здесь навсегда и не жалею о своем выборе.

— Работа в Сиракузском университете — это самый плодотворный период Вашей деятельности. Там Вы написали такие знаковые работы, как «Социология социального конфликта» (Kriesberg 1973) и «Социальное

неравенство» (Kriesberg 1979), которые потом неоднократно переиздавались. Иными словами, Вы стали специалистом по теории конфликтов. Давайте поговорим о том, что отличает Ваш подход к конфликтам от подходов, разработанных в 1950-е годы другими авторами, например Л. Козером (Coser 1956). На первый взгляд, можно найти некоторые сходные позиции в этих подходах. Как Вы сами считаете, ваши подходы скорее схожи или нет?

— Это совершенно разные подходы. Мой теоретический подход был основан на эмпирическом опыте и сосредоточен на структурных факторах, определяющих поведение. Я скептически относился к функционализму. Один из распространенных тогда аргументов критики в адрес функционализма состоял в том, что функционализм не учитывал социальные конфликты. Льюис Козер, который был политически активен среди левых антикоммунистов, считал конфликты важными и реалистически обоснованными. Он был учеником Мертона, поэтому в своей теории попытался объединить теорию конфликтов с функционализмом. Он написал книгу «Функции социального конфликта» (1956), используя некоторые предположения о позитивных функциях конфликта, предложенные Георгом Зиммелем. Но мне казалось: указание на то, что конфликт полезен для одной или нескольких сторон, ничего не объясняет с точки зрения понимания его возникновения и хода. Мы всегда были друзьями с Козером, но никогда не обсуждали наши разногласия. Примечательно, что Козер считал, что конфликты могут быть благом.

— *На мой взгляд, главное отличие Вашего подхода — это фокус на механизмах разрешения конфликтов. С 1970-х годов вы начали систематически проводить исследования разрешения конфликтов. На этом пути Вы создали собственную теорию разрешения конфликтов, стали директором-основателем Программы анализа и разрешения конфликтов (PARC). Что было для вас самым важным в эти годы? А чего достичь было труднее всего?*

— К концу 1960-х я обнаружил, что многие социологи и другие ученые занялись исследованиями, касающимися предотвращением войны и обеспечения мира. Под моей редакцией была подготовлена книга «Социальные процессы в международных отношениях» (Kriesberg 1968), демонстрирующая новое понимание этих проблем. Среди ее авторов были американцы и европейцы: Моррис Яновиц, Льюис Козер, Уильям Гамсон, Эдвард Шиллс, Роберт С. Энджелл, Йохан Галтунг, Амитаи Эциони, Чедвик Алджер и Карл Дойч. Когда в начале 1970-х сформировалось самостоятельное направление по разрешению конфликтов, я также познакомился с Элизой и Кеннетом Боуддингами, Джином Шарпом, Хербом Келманом и многими

другими учеными по всему миру. В Сиракузах сформировалась группа практиков, которая включала Нила Каца, Стюарта Торсона, Террелла Нортрапа и др. Наконец, я стал членом нескольких взаимосвязанных сообществ ученых и практиков в области мира и разрешения конфликтов. Я был частью развивающейся новой области научных исследований.

Самым важным в 1970-е годы для меня было проведение эмпирических исследований, связанных с миром. Я опубликовал несколько статей о международных неправительственных организациях как элементе социальной организации, лежащей в основе мирных отношений. Вскоре решил посвятить всю свою работу вопросам, связанным с миром, и сосредоточиться на текущих крупных конфликтах: холодной войне и израильско-арабских/палестинских конфликтах. В ходе исследований я совершил четыре поездки в Советский Союз (1975–1991) и 14 на Ближний Восток (1971–2010). Брал интервью у официальных лиц, активистов и других аналитиков в странах, вовлеченных в конфликты, и использовал все доступные внешнеполитические документы и аналитические доклады, а также данные разных опросов. В дополнение к научным статьям, в 1992 г. была опубликована моя книга об этом исследовании: «Разрешение международных конфликтов: случаи США-СССР и Ближнего Востока» (Kriesberg 1992).

В отличие от тех авторов, которые исследовали только обострение конфликтов, ведущих к деструктивным результатам, я изучал, как конфликты ослабляются и трансформируются. Эта стратегия способствовала формулированию новых концепций. Я обратил внимание на стадии конфликта, их трансформацию и взаимосвязь, на необходимость медиации конфликтов. Эти идеи легли в основу сформулированного мною общего подхода к пониманию и конструктивному разрешению конфликтов. В 1973 г. я опубликовал книгу «Социология социальных конфликтов», а в 1982 г. — ее усовершенствованную версию, озаглавленную «Социальные конфликты» (Kriesberg 1982). В 1998 г. вышло первое издание из серии «Конструктивные конфликты» (Kriesberg 1998). Всего было издано пять выпусков.

В 1980-е годы активно занимался педагогической работой, связанной с руководимой мною программой PARC. Эта программа привлекла много блестящих аспирантов, желавших изучать проблемы мира и разрешения конфликтов. Их исследования конфликтов были очень успешным, доказательством чему явился коллективный сборник под редакцией Патрика Коя и Линн М. Вурле «Социальные конфликты и коллективные идентичности» (2000). Книга состоит из глав, написанных аспирантами, работавшими в рамках PARC, многие из которых защитили диссертации под моим

руководством. Сегодня выпускники программы PARC учреждают подобные программы в Соединенных Штатах и во многих других странах, работают в этих программах. Многие из них стали активными практиками в области конструктивных конфликтов.

— Вы выделяли разные конфликты: крупномасштабные (между странами), меньшего масштаба (внутри стран) и межгрупповые любого рода. Также анализировали конфликты на всех этапах. Почему Вы сосредоточили внимание прежде всего на конфликтах большого масштаба?

— Изначально проблемы войны и угроза массового насилия были темами, которые побудили меня изучать социологию и сосредоточить внимание на способах снижения вероятности развязывания кровавых войн и революций. В юности я рос на изображениях японских вооруженных сил в оккупированном Китае, гражданской войны в Испании, а затем ужасов Второй мировой войны. Они меня сильно впечатлили и напугали.

— Почему вы обычно описываете свою область исследований как изучение мира и анализ разрешения конфликтов? Не все конфликты можно ослабить и примирить участников. Согласны ли Вы, что разрешение конфликтов — это относительно небольшая часть области анализа конфликтов, и есть много других направлений развертывания конфликтов, которые могут привести к войнам (не к миру)? В сегодняшнем глобальном мире повсюду наблюдаются локальные войны и кровавые конфликты. Вы думаете, что их участники просто не хотят сесть за стол переговоров и попытаться закончить конфликт, т.е. принести мир своим странам?

— Признаю, что многие конфликты несут разрушительный характер. Необходимо понимать, как это происходит и как этого можно избежать. Я полагаю, что большинство людей в большинстве случаев не хотят вести разрушительные конфликты. Часто они утверждают, что это другая сторона заставляет их быть жестокими и применять насилие. Поэтому я думаю, что всегда полезно подчеркнуть, что конфликты можно урегулировать таким образом, чтобы обе стороны получили взаимные выгоды (возможно, неравные). Мы создали институционализированные способы урегулирования многих конфликтов в сфере трудовых отношений, высшего образования, политики, медицины и т.п.

Вклад в социологию

— Ваш рассказ подтверждает, что Ваша профессиональная карьера постоянно развивалась по нарастающей. В чем еще, кроме перечисленного выше, Вы видите свой вклад в социологию?

— Я полагаю, что оказал значительное влияние на расширение сферы исследования мира и конфликтов. Мой [высокий] статус в господствующей

социологии помог придать легитимность этой области исследований в рамках мейнстрима и включить в него ученых, которые работают в данной области. С 1978 по 1990 г. я редактировал ежегодный сборник исследований по социальным движениям, конфликтам и изменениям. С 1989 по 2009 г. я был редактором серии «Исследования по вопросам мира и разрешения конфликтов», выходящей в издательстве Сиракузского университета. Я входил в редакционные коллегии многочисленных журналов в этой области, возглавлял отделы по вопросам мира и конфликтов во многих американских и международных ассоциациях социологии и мира, а также консультировал другие программы. Если Вам интересны дальнейшие детали моей профессиональной деятельности, почитайте мой сайт в Сиракузском университете: <https://lkriesbe.expressions.syr.edu/>

— *Что Вы считали самым трудным в Вашей разносторонней деятельности?*

— Самым трудным было и остается оказание влияния на общественность и должностных лиц, чтобы они применяли наиболее эффективные методы урегулирования конфликтов. Мои попытки повлиять на широкую общественность и на государственных чиновников реализовались в двух взаимосвязанных формах. С одной стороны, я писал статьи, обзоры и блоги, а также выступал публично, чтобы повлиять на широкую общественность и продвинуть конструктивный подход к конфликтам и его применение в конкретном случае. С другой стороны, я активно поддерживал многие миротворческие группы и организации, работающие во имя мира и справедливости в конкретных конфликтах. В частности, в 1982 г. я (вместе с другими) основал в Сиракузском университете группу для диалога по проблемам Ближнего Востока (САМЕД). Его членами являются три этнические различные группы американцев в равной пропорции: евреи, палестинцы/арабы и остальные граждане иного этнического происхождения. Мы обмениваемся мнениями и стремимся к поиску консенсуса в отношении действий американского правительства по оказанию помощи народам Ближнего Востока в установлении мирных и справедливых взаимоотношений. Почти 40 лет (с 1982 г.) мы выступаем за политику США, которая, по нашему мнению, способствует миру и справедливости.

— *Как Вы относитесь к социальной теории Карла Маркса, который также изучал социальные конфликты и построил теорию социальной революции как выхода из социальных противоречий?*

— В течение многих лет я включал работы Маркса в свой учебный курс по социальной теории для студентов последнего года обучения. Однако в собственных исследованиях и теоретических рассуждениях о классе я опирался на Макса Вебера и его измерения класса, статуса

и власти. Я также склонен считать признание сложности множественных взаимосвязанных конфликтов более полезным, чем подход Маркса. Мой подход я развил и применил в книгах «Матери, живущие в бедности» (Kriesberg 1970) и «Социальное неравенство» (Kriesberg 1979).

— *Сегодняшняя реальность чрезвычайно усложнилась по сравнению с временами Карла Маркса, поэтому она требует других, комплексных подходов к ее изучению. Но почему свой подход Вы применяли только к изучению социальных конфликтов? Ведь Маркс последовательно анализировал и социальные конфликты, и социальные революции, а Вы остановились на первом, оставляя проблемное поле социальных революций другим социологам (например, Чарльзу Тилли). Вы полагаете, что конфликт и революция сильно различаются?*

— Социальный конфликт — это гораздо более широкий термин, включающий борьбу самых разных масштабов и с использованием самых разных методов. Революции — особый вид социального конфликта. Они являются крупномасштабными усилиями, направленными на глубокие изменения, и часто проводятся с огромным насилием или угрозами насилия. Иногда революции относятся к крупномасштабным существенным изменениям в технологиях, моде или других сферах.

— *Какие из Ваших многочисленных статей и книг, изданных за последние 20–30 лет, наиболее важны для Вас и почему?*

— Самые важные работы — те, где я продолжаю развивать свой подход. Пятый сборник из серии «Конструктивных конфликтов», написанный в соавторстве с Брюсом Дейтоном, представляет собой последнее изложение конструктивного подхода к конфликтам (Kriesberg, Dayton 2017). Также моя книга «Реализуя мир: подход конструктивного конфликта» (Kriesberg 2015) представляет собой приложение конструктивного конфликтного подхода к американской внешней политике, объясняющего ее успехи и неудачи. Отмечу, что книга включает и обсуждение альтернативных стратегий. Важные статьи и главы книги доступны для скачивания на моем сайте.

— *Когда я читаю курс современной западной социологии в Белорусском государственном университете, я помещаю Вашу теорию в раздел о социальных конфликтах. Может быть, это несколько сужает оценку Вашего вклада в социологию, однако более широкая проблематика социального неравенства, которую Вы также постоянно затрагиваете, — это не специальная область, а тема всей социологии. В отличие от неравенства, область социальных конфликтов достаточно конкретна и отличается от других ведущих разделов социологии (например, социальной структуры). Правильно я понимаю, что через проблему конфликтов Вы хотели сказать свое слово в социологии?*

— Я полагаю, мой вклад в социологию состоит в том, что я помогаю привлечь внимание к крупномасштабным конфликтам и продвигать идею вовлечения в политику. Говоря более конкретно, я считаю, что внес свой вклад в социологию, развивая конструктивный подход к социальным конфликтам и их разрешению. Я предложил стадии развертывания конфликтов, которые могут различаться по длительности протекания (стадия возникновения конфликта, когда субъекты осознают несовместимость своих интересов и целей с оппонентами; стадия эскалации конфликта; стадия прямого конфликтного взаимодействия субъектов; стадия ослабления и трансформации конфликта; стадия завершения конфликта и получения результата). Возникновение, развитие и завершение конфликта определяется прежде всего взаимодействием конфликтующих сторон. Я подчеркиваю роль посредников в разрешении конфликтов, выделяю рациональный компонент в любом конфликте, что необходимо для подхода к его ослаблению и компромиссному разрешению.

— *Считаете ли Вы, что Ваша область исследований тесно связана с изучением демократии? Каковы отношения между социальными конфликтами и демократией? Лично я вижу связь между разрешением конфликтов и справедливостью, однако сомневаюсь, что любое разрешение конфликтов демократично. Не могли бы Вы показать связь между конфликтами и демократией, если она существует?*

— Для меня демократия — это институционализированный способ конструктивного разрешения конфликтов. Конечно, есть много форм и качеств демократии. Некоторые из них далеко не конструктивны. Однако растет интерес к тому, как знание практики конструктивного конфликта и сотрудничества способствует эффективному управлению. Эта проблема обсуждается в недавно выпущенной книге «Конфликт и сотрудничество: к лучшему или к худшему», в которой мы с Кэтрин Джерард выступали как со-редакторы (Kriesberg, Gerard 2018).

— *В 2020 г. в Беларуси после президентских выборов начался острый конфликт. Он в разных формах продолжается уже несколько месяцев, и ни одна из сторон не хочет идти на компромисс. Траектория этого конфликта и его возможная трансформация пока не ясны (по крайней мере для меня). Если Вы слышали об этом конфликте (а конфликты по поводу власти стали типичными для постсоветских стран, напомним о Грузии, Армении, Киргизии, Украине), может быть, Вы объясните, почему у таких конфликтов нет разрешения? В одних странах начавшееся ослабление конфликта длится недолго, другие страны перманентно переходят от одного конфликта к другому. Это просто борьба за власть между элитами? Или за ней скрыты более глубокие социальные причины? Может быть,*

такие конфликты характерны для других регионов мира? Я полагаю, что социология конфликтов должна объяснить их и предложить возможные конструктивные стратегии на будущее.

— Невозможно коротко ответить на этот сложный вопрос о постсоветских конфликтах. Ответ требует проведения гораздо большего числа исследований по конкретным случаям и странам. Как я уже однажды говорил, возможно, работы Шарпа проливают свет на некоторые аспекты таких конфликтов. Сделаю здесь лишь несколько замечаний. Распад Советского Союза прошел более мирно, чем многие на Западе ожидали. Позднее были созданы механизмы для разрешения частных конфликтов. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) помогает решать гражданские вопросы, касающиеся положения русских в странах Балтии, где этнические различия слишком легко могут использоваться политическими лидерами в своих интересах. Для разрешения конфликтов могут быть полезны неправительственные гражданские организации, состоящие из представителей разных национальностей, с толерантным подходом к современной идентичности. Можно развивать обучение ненасильственным методам разрешения конфликтов на разных уровнях. Конкретных технологий много, но их применение должно быть в каждом случае разным, тут нет универсальных решений.

— *Перейдем к вопросу, связанному с 95-летним юбилеем, который Вы будете отмечать 30 июля 2021 г. В книге, опубликованной издательством «Springer» в 2016 г. и посвященной Вашему 90-летию, Вы названы «пионером в исследованиях мира и конструктивного разрешения конфликтов» (Louis Kriesberg 2016). Как еще можно метафорически определить Ваше место и вклад в социологию конфликта?*

— Социолог Кристофер Митчелл совместно с Й. Боутсом реализовал проект, в рамках которого провел интервью с теми, кого он назвал «основателями исследовательского поля конфликта». Я был включен в число этих основателей. Целью проекта был сбор информации от тех исследователей, которые инициировали исследования конфликтов в 1950–1960-е годы. Если обозначить мой вклад простыми словами, то можно сказать, что я был назван среди ранних лидеров данного направления и первых исследователей конфликта.

Мои работы повысили значимость конфликта как важного измерения большинства социальных отношений, в частности значимость крупномасштабных конфликтов. Я утвердил точку зрения, что конфликты — это больше, чем просто силовой взрыв. В своем развитии конфликты проходят через много этапов. Согласен, что многие конфликты неразрешимы и никогда не исчезают. Они могут трансформироваться, либо допуская

кооперацию сторон и их сотрудничество, либо формируя иную структуру господства. Я также считаю, что внес вклад в осознание взаимосвязи конфликтов, протекающих во времени и социальном пространстве. Я показал, что конфликты часто взаимосвязаны и поэтому разворачиваются один из другого, как русская матрешка. Многие из них протекают параллельно, накладываясь друг на друга. Каждая сторона конфликта имеет свой набор одновременно протекающих противостояний. Я обратил внимание на важность ненасильственных стимулов в конфликтах. Наконец, подчеркивая интерактивный характер конфликтов и разнообразие способов их ведения, я показал очевидность того, что есть возможности выбора способа действия в конфликте — лучшего или худшего. Социология может стать формой не только обучения, но и практики. Анализ не только дает картину предопределенного пути разворачивания конфликта. Он может раскрыть возможные варианты политического выбора.

— *Благодарю Вас за столь подробный и откровенный рассказ о своем профессиональном пути и желаю новых успехов на поприще социологии политики. Уверена, что Ваш откровенный рассказ поможет и российским социологам, прежде всего молодым, проявлять твердость в достижении своих научных целей и никогда не изменять себе.*

Литература

Вебер М. (1990) Наука как призвание и профессия. Вебер М. *Избранные произведения* (пер. Ю.Н. Давыдов). М.: Прогресс.

Докторов Б.З. (2014) *Современная российская социология: историко-биографические поиски*: в 3 т. Т. 2. Беседы с социологами четырех поколений. М.: Директ-Медиа.

Пинчук О.В., Рогозин Д.М. (2018) «На пляж шестидесятым автобусом»: автоэтнографические толкования стандартизированных интервью с пожилыми людьми об интимной жизни. *Социология власти*. 30(1): 101–124.

Coser L.A. (1956) *The functions of social conflict*. N.Y.: Free Press.

Louis Kriesberg: Pioneer in Peace and Constructive Conflict Resolution Studies (2016). N.Y.: Springer.

Kriesberg L. (ed.) (1968) *Social Processes in International Relations: A Reader*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Kriesberg L. (1970) *Mothers in Poverty: A Study of Fatherless Families*. Chicago: Aldine.

Kriesberg L. (1973) *The Sociology of Social Conflicts*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Kriesberg L. (1982) *Social Conflicts*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Kriesberg L. (ed.) (1978–1990) *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Vol. 1–12. Greenwich Connecticut: JAI Press.

Kriesberg L. (1979) *Social Inequality*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Kriesberg L. (1992) *International Conflict Resolution: The U.S.-U.S.S.R. and Arab-Israeli Cases*. New Haven: Yale University Press.

Kriesberg L. (1998) *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield.

Kriesberg L. (2015) *Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach*. N.Y.: Oxford University Press.

Kriesberg L., Gerard C. (eds.) (2018). *Conflict and Collaboration: For Better or Worse*. N.Y.: Routledge.

Kriesberg L., Dayton B.W. (eds.) (2017) *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. Oxford: Rowman & Littlefield.

Parsons T., Shils E. (eds.) (1951) *Toward a general theory of action*. Cambridge, Mass.: Harvard UP.

Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. N.Y.: Knopf.

DIALOGUE WITH THE CLASSIC (to the 95th anniversary of the American sociologist of the conflict, Professor Louis Kriesberg

Louis Kriesberg^a, Larissa Titarenko^b (larissa@bsu.by)

^a Syracuse university, Syracuse, USA

^b Belarusian State University, Minsk, Belarus

Citation: Kriesberg L., Titarenko L. (2021) Dialog s klassikom (k 95-letiyu amerikanskogo sotsiologa konflikta Louisa Kriesberga) [Dialogue with the classic (to the 95th anniversary of the American sociologist of the conflict, Professor Louis Kriesberg)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(1): 7–28 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.1>

Abstract. The article is devoted to the upcoming 95th anniversary of the famous American sociologist, classic of the sociology of conflict, Professor Louis Kriesberg. During his long life Kriesberg met and collaborated with Robert Merton and Charles Tilly, was engaged in public opinion polls and consulted American presidents on the problems of resolving international conflicts, he also took part in international conferences of the highest level and prestigious sociological committees on conflict resolution. In a dialogue genre, Kriesberg talks about his life path, his teachers and colleagues, reflects on the role of the sociology of conflict in the context of a scientific discipline. He tells about his professional development and his life. Kriesberg analyzes the concepts that he has created over the years of his professional activity, expresses his attitude to the problems he faces. Our dialogical conversation touches upon the

theoretical and methodological aspects of sociological research, the prospects for the applied use of the provisions of the conflict resolution theory created by Kriesberg. Despite his advanced age, Kriesberg shows a subtle sense of humor when he recalls his childhood, and diplomacy when he reveals his attitude to the urgent problems of post-Soviet society. The scholar keenly grasped the spirit of his era — the second half of the 20th — early 21st centuries, dealing with such problems that were most interesting and relevant to his contemporaries. These problems undoubtedly include social inequality and social conflict.

Keywords: Louis Kriesberg, American sociology, sociology of conflict, conflict resolution theory, peace studies, Syracuse University.

References

- Coser L.A. (1956) *The functions of social conflict*. New York: Free Press.
- Doktorov B.Z. (2014) *Sovremennaya rossiyskaya sociologiya: istoriko-biograficheskiye poiski : V 3-kh t. Besedy s sotsiologami chetyrekh pokoleniy* [Contemporary Russian sociology: historical and biographical searches: In 3 volumes. Conversations with sociologists of four generations]. Moscow: Direct-Media (in Russian).
- Kriesberg L (1998) *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. New York; Oxford: Rowman & Littlefield.
- Kriesberg L. (1970) *Mothers in Poverty: A Study of Fatherless Families*. Chicago: Aldine.
- Kriesberg L. (1973) *The Sociology of Social Conflicts*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Kriesberg L. (1979) *Social Inequality*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Kriesberg L. (1982) *Social Conflicts*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Kriesberg L. (1992) *International Conflict Resolution: The U.S.-U.S.S.R. and Arab-Israeli Cases*. New Haven: Yale University Press.
- Kriesberg L. (2015) *Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach*. New York: Oxford University Press.
- Kriesberg L. (ed.) (1968) *Social Processes in International Relations: A Reader*. New York: John Wiley & Sons.
- Kriesberg L. (ed.) (1978–1990) *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Vol 1–12. Greenwich Connecticut: JAI Press.
- Kriesberg L., Dayton B.W. (eds.) (2017) *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution*. Oxford: Rowman & Littlefield.
- Kriesberg L., Gerard C. (eds.) (2018) *Conflict and Collaboration: For Better or Worse*. New York: Routledge.
- Louis Kriesberg: Pioneer in Peace and Constructive Conflict Resolution Studies* (2016). New York: Springer.
- Parsons T., Shils E. (eds.) (1951) *Toward a general theory of action*. Cambridge, Mass.: Harvard UP.
- Pinchuk O.V., Rogozin D.M. (2018) “Na plyazh shestidesyatym avtobusom”: avtoetnograficheskiye tolkovaniya standartizirovannykh intervyyu s pozhilymi lyudmi ob intimnoy zhizni [“To the Beach on the Sixtieth Bus”: Auto-ethnographic Interpretations

of Standardized Interviews with Seniors on Intimate Life]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 30(1): 101–124 (in Russian).

Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Knopf.

Weber M. (1990) Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a vocation and profession]. In: Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Transl. Y.N. Davydov. Moscow: Progress (in Russian).